
ХАОС ВОЛШЕБСТВА
или Холмс не придет
Ольга Дорошенко

Хаосволшебство или...

Ольга Дорошенко

Хаос волшебста или Холмс не придет

«Автор»
2026

Дорошенко О.

Хаос волшебста или Холмс не придет / О. Дорошенко — «Автор», 2026 — (Хаосволшебство или...)

Шерлок Холмс знает всё. И это его убивает.Преступления стали предсказуемыми. Мориарти ушёл на пенсию. Ватсон закрыл блокнот. Великий детектив третий год сидит в кресле и смотрит в потолок. Но однажды из камина вываливается крылатый осёл, а следом — женщина, которая утверждает, что разговаривает с драконами и что иногда полезно не расследовать, а просто выслушать.Теперь Алисе предстоит невозможное: вернуть Холмсу интерес к жизни. Но Лондон — не просто город. Он притягивает одиночек, проверяет их и не всех отпускает. Алиса ещё не знает, что за ней наблюдают. Что сухие цветы на пороге — не случайность. И что старая ошибка Холмса всё ещё не даёт ему спать.Потому что в этом Лондоне есть те, кого не видит никто. И один из них очень хочет, чтобы его наконец заметили.

© Дорошенко О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ВСЁ 5
ГЛАВА 1. ДОМ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ 7
ГЛАВА 2. ГОСТЬЯ, КОТОРАЯ ЗАДАЁТ ВОПРОСЫ 11
ГЛАВА 3. КРАЖА ШЛЯПЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Хаос волшебста или Холмс не придет

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ВСЁ

Из дневника доктора Ватсона:
«Сегодня я написал письмо. В Москву. Женщине, о которой писали в газете. Говорят, её голос творит странные вещи. Я не верю в странные вещи. Но я уже не верю и в обычные. Поэтому пишу».

Говорят, если достаточно долго разгадывать загадки, однажды ты разгадаешь и самого себя. И это, как правило, не радует.

Когда-то Лондон был столицей преступлений. Туман скрывал убийц, кэбы увозили похитителей, а дворецкие врали с такой виртуозностью, что даже Скотланд-Ярд аплодировал. И в центре этого хаоса стоял он — Шерлок Холмс. Человек, для которого мир был открытой книгой, напечатанной крупным шрифтом.

Теперь Лондон стал столицей предсказуемости. Преступления шли по расписанию: ревнивый муж — понедельник, жадный наследник — среда. К воскресенью Холмс уже знал, что произойдёт в следующий понедельник. Не потому, что был гением. Просто всё это уже было.

Мориарти, его вечный противник, ушёл на пенсию. Прислал открытку: «Дорогой Холмс, я устал. Преступность стала скучной. Даже злодеи теперь читают инструкции. Ваш, Джеймс (бывший Наполеон преступного мира, ныне — садовод)».

Ватсон всё ещё приходил. Но его блокнот был девственно чист. Однажды он написал: «Сегодня Холмс разгадал преступление до того, как оно произошло. Преступник, узнав об этом, решил не совершать преступления. Дело закрыто, не начавшись». И закрыл блокнот. Надолго.

Холмс больше не играл на скрипке. Он сидел в своем кресле на Бейкер-стрит, 221б, и смотрел в потолок, на котором не было ни одной трещины. Иногда он их пересчитывал. Всегда получался ноль. Однажды он попытался нарисовать трещину карандашом — и стёр её через минуту. Слишком легко. Слишком предсказуемо.

Миссис Хадсон вела учёт изюма — на всякий случай, если вдруг кто-то придёт. Никто не приходил. Изюм лежал в банке и грустил. Она пересчитывала его каждую неделю. Количество не менялось. Она записывала это в тот же блокнот, в который записывала, что Холмс не выходил из комнаты. Это был её способ замечать время.

Однажды, разбирая старые бумаги, Ватсон наткнулся на заметку в «Таймс» трёхмесячной давности. О «феномене из Москвы»: актриса, чей голос вызывал необъяснимые резонансы. Газета поместила это в раздел курьёзов. Но Ватсон, старый военный врач, умел читать между строк. Он написал письмо. В Москву. На деревню дедушке. Ответа он не ждал.

Ватсон запечатал конверт сургучом и задумался. Письмо уйдёт утром. Если вообще уйдёт. Он не был уверен, что адрес существует.

За окном послышались шаги. Он выглянул. На улице никого не было. Только туман и мокрый камень. Но на подоконнике лежала лаванда — веточка, которой там не было утром.

«Показалось», — подумал он и убрал письмо в карман.

Прошло три месяца. И однажды утром на Бейкер-стрит, 221б, в доме, где уже три года ничего не происходило, раздался грохот.

Ватсон поднялся, не донеся ложку до рта, и вышел в прихожую.

Там, из каминной трубы, чихая и отплёвываясь сажей, вывалилось нечто среднее между ослом и ангелом. На спине сидела женщина в чёрном платье, вцепившись в шерсть побелевшими пальцами.

— Ну вот. Опять чужой дом. Опять пыль. И что, если в этот раз не получится? Ты ведь даже не знаешь, что тут сломалось— фыркнул внутренний голос.

— Зато ты знаешь, — ответила Алиса.

— Освальд, — сказала она, — если ты ещё раз решишь, что камин — это портал, я сдам тебя в зоопарк. В секцию «неопознанное, но очень раздражающее».

— Мяу, — ответил осёл и начал вылизывать сажу с крыла.

На шум вышла миссис Хадсон. В руках она держала кочергу — не потому что собиралась защищаться, а потому что «всегда держу, когда в доме что-то падает». Увидев крылатое существо, она перекрестилась — торопливо, но с достоинством — а потом, переведя дух, спросила:

— Он ест овёс или предпочитает что-то более изысканное?

Женщина слезла с осла, отряхнула платье, огляделась.

— Доктор Ватсон? — сказала она. — Я получила ваше письмо.

Ватсон открыл рот, закрыл, потом открыл снова. Освальд, сидящий на полу с сумкой в зубах, издал короткое «мяу» — и это было единственное, что имело смысл.

Ватсон закрыл рот. И кивнул.

Наверху, в гостиной, кто-то скрипнул креслом. Холмс не встал. Но он перестал считать трещины. И впервые за три года посмотрел не на потолок, а в сторону двери.

ГЛАВА 1. ДОМ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

Из дневника доктора Ватсона:
«Сегодня Холмс встал. Съел тост.
Сказал мне, что я неправильно
держу ложку. Прогресс?»

Дом на Бейкер-стрит пах пылью и старым деревом. Пыль была не бытовая, а метафизическая. Она оседала на вещах, потому что вещи давно никто не тревожил.

На каминной полке стояли часы, которые не ходили три года. Ватсон их заводил каждое утро. Они всё равно останавливались. Это был их способ участвовать в жизни дома.

Алиса чихнула.

— Будьте здоровы, — автоматически сказал Ватсон и осёкся.

О, ты уже вносишь в этот склеп немного жизни, — ехидно заметил внутренний голос. — Чихнула — и сразу всем полегчало. Не дом, а курорт.

В воздухе, под пылью, угадывался запах лаванды. Слабый. Чужой. Но знакомый.

Ватсон стоял в прихожей, всё ещё не веря в то, что произошло. Женщина с ослом. Которая прилетела через камин. Которая знает его имя.

— Доктор Ватсон, — сказала Алиса, отряхивая с рукава сажу, — я понимаю, что мой способ прибытия вызывает вопросы. Но, возможно, есть место, где мы могли бы поговорить? До того, как я встречусь с вашим другом?

Ватсон перевёл взгляд на дверь гостиной. Потом на Алису. Потом на Освальда, который уже начал исследовать прихожую с видом профессионального инспектора.

— Сюда, — сказал он, беря её за локоть. — Он не должен слышать.

Он увёл её вглубь прихожей, подальше от гостиной. Там, в небольшом закутке, где стоял старый столик и висело зеркало в потёртой раме, он остановился.

Освальд в прихожей уже успел понюхать вешалку, изучить трость Ватсона и теперь стоял у двери в гостиную, склонив голову набок, как будто слушал.

— Простите за эту таинственность, — сказал Ватсон. — Но если он услышит, что я собираюсь показать, он... он сделает вид, что ему всё равно. А мне нужно, чтобы вы знали правду. До того, как войдёте.

Он сунул руку в карман и вынул потрёпанный блокнот.

— Прежде чем вы с ним заговорите... прочтите. Не весь. Хотя бы вот здесь.

Алиса заметила, что у него дрожат руки. Она пробежала глазами: «Он дважды поправил мою ложку. Потом сказал, что я держу её как человек, который не хочет есть. Неправда. Я просто не хочу есть в тишине».

Потом пролистнула дальше. «Вторник. Ничего не произошло. Среда. Тоже. Четверг. Холмс переставил скрипку. Причина неясна».

И ещё несколько страниц — пока не дошла до фразы, от которой что-то тихо перевернулось внутри: «Я больше не знаю, зачем пишу это».

— Полагаю, это не та летопись, ради которой пишут мемуары, — сказал Ватсон.

— Это та, ради которой их сжигают, — ответила Алиса. — Если не найти, что написать дальше.

Алиса закрыла блокнот. Подержала его в руках. Потом хотела вернуть Ватсону, но почему-то оставила.

Ну вот, — протянул внутренний голос. — Ты уже таскаешь чужие дневники. Осталось стащить трубку у хозяина — и можно открывать антикварную лавку. Или психушку. Пока не ясно что быстрее у тебя получится.

— Вы не просто летописец, — тихо сказала она. — Вы — свидетель. Тот, кто видит, когда все остальные отвернулись.

Ватсон моргнул. Кажется, ему никто никогда не говорил, что он важен.

Он открыл было рот — то ли поблагодарить, то ли возразить, — но не смог. Просто кивнул.

— Он не любит, когда его жалеют, — предупредил он наконец.

— Я не собираюсь его жалеть.

Она вошла в гостиную.

Холмс сидел в кресле спиной ко всем. На подлокотнике лежала скрипка. Струны заржавели. Он держал её рядом, но не играл. Свет из окна падал на его плечи, на тёмные волосы, на неподвижные руки, лежавшие на подлокотниках. Он не обернулся.

— Мадам, — произнёс он, — ваш транспорт мяукает. Это симптом.

Из коридора донеслось громкое, обиженное «мяу».

— Мой транспорт мяукает уже полторы книги, — ответила Алиса. — Это не симптом. Это характер.

Она опустилась в кресло напротив. Ватсон остался у двери.

— Меня вызвал доктор Ватсон, — сказала Алиса. — По причинам, которые он не сформулировал.

Ватсон кашлянул.

— Я прочитал о вашем методе...

— И подумали, что ваш друг нуждается в помощи, но не знает, как попросить, — закончила Алиса. — Или не хочет.

Холмс издал звук — нечто среднее между фырканьем и смешком.

— Мадам, я не нуждаюсь в помощи. Я нуждаюсь в загадке. В чём-то, что требует усилия.

— Значит, вы жалуетесь, что слишком умны?

— Я констатирую факт.

Алиса положила блокнот Ватсона на стол. Холмс не повернулся, но она заметила, как чуть дрогнули его пальцы.

— Вы не скучаете, — сказала она. — Вы боитесь.

Тишина. Ватсон замер у двери. В камине потрескивало полено.

— Простите? — голос Холмса стал на полтона ниже.

— Вы боитесь, что больше никогда не встретите достойную загадку. Что мир стал для вас слишком простым. Что вы стали не нужны. — Она сделала паузу. — Вы не устали. Вы испуганы. Это разные вещи.

Холмс повернулся.

Впервые за весь разговор.

Его глаза — светлые, острые — изучали её с холодным любопытством. Но в них не было надменности. Было что-то другое. Что-то, что он прятал.

Он смотрит на тебя, будто ты — первая за три года загадка, у которой нет очевидного решения, — влез внутренний зануда. — Не обольщайся. Это он про твою способность портить вещи.

— Вы читали дневник, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да.

— И решили, что сможете меня разгадать?

— Я не пытаюсь вас разгадать. Я пытаюсь понять.

Он смотрел на неё долго. Потом произнёс:

— Миссис Хадсон, чай.

За дверью послышалось тихое, сдавленное «ах!». Миссис Хадсон, которая всегда была за дверью, когда в доме происходило что-то важное, не поверила своим ушам.

— И без паслёновых, — добавил Холмс. — Я хочу знать, что в нём.

Он перевёл взгляд на Алису.

— И что вы предлагаете?

В голосе не было любопытства. Был вызов.

— Понаблюдать. Поговорить. Не с вами. С Лондоном. С домом. С людьми, которые вас окружают. А вы можете продолжать смотреть в потолок.

— Потолок идеален. В нём нет трещин.

— Вот именно, — сказала Алиса.

И вышла.

Алиса уже была в прихожей, когда услышала шаги. Тихие. Неспешные. Так не ходят те, кто три года сидел в кресле. Где-то под ногой Холмса скрипнула половица — та самая, которую три года не касалась его нога. Звук был короткий, но в тишине дома он прозвучал как выстрел.

Холмс остановился в дверях гостиной.

— Мадам, — сказал он. — Вы не из Лондона. Не из этого мира. Возможно, не из этого века. Я ошибаюсь?

Алиса обернулась.

Ну вот, — вздохнул внутренний голос. — Теперь он ещё и мысли читает. Надеюсь, только твои. Мои ему точно не понравятся.

— Не ошибаетесь.

Он смотрел на неё. Свет из гостиной падал на его лицо.

— Это первый раз за три года, — сказал он, — когда я не могу предсказать, что будет дальше.

Потом добавил — тише, но отчётливо:

— И вы не первая, кого сюда присылали.

Ну конечно, — вклинился внутренний голос. — Ты не первая, ты не последняя, ты просто очередная. Гордись. Может, тебе ещё номер очереди выдадут. И талон к психиатру.

Алиса замерла.

— Кто ещё?

— Разные. Один пел по ночам в подвалах. Другая всё время тёрла руки, будто смывала кровь. Третий прятал лицо — и всё равно был заметнее, чем думал.

— И что с ними стало?

— Они ушли. Или я их не вижу. Теперь уже не важно.

Он развернулся и ушёл в гостиную. Шаги стихли.

Ватсон, стоявший на лестнице, беззвучно открыл рот. Потом достал блокнот и записал:

«Он признался, что не может предсказать. Это не было жалобой. Это было признанием. А ещё она сказала, что я важен. И что потолок слишком идеален. Не понимаю, что из этого более странно».

Алиса вышла на крыльцо — и в этот момент начался дождь. Мелкий, лондонский, тот, что не льёт, а висит в воздухе. Будто весь город плакал, но очень сдержанно, по-английски.

На крыльце сидел Освальд, пытаясь держать ложку так, чтобы её не было видно.

— Ты её утащил? — спросила Алиса.

— Она блестела, — ответил Освальд. — Я не удержался.

— Ты знаешь, что это ложка?

— Да. Но в этом доме даже ложки имеют значение. Всё имеет значение. Это место, где даже пыль — улика.

Дверь за спиной скрипнула. Миссис Хадсон выглянула на крыльцо, увидела ложку за спиной Освальда, вздохнула и сказала:

— Оставьте себе. У меня их много.

Освальд выпрямился с достоинством.

— Я назову её...

Он не договорил. Миссис Хадсон уже скрылась в доме.

Алиса посмотрела на окна второго этажа. В одном из них горел свет. И ей показалось, что в стекле — едва заметная, тонкая, как волосок, трещина. Которой не было утром.

Она улыбнулась и шагнула в дождь.

ГЛАВА 2. ГОСТЬЯ, КОТОРАЯ ЗАДАЁТ ВОПРОСЫ

Из дневника доктора Ватсона:
«Миссис Хадсон сегодня улыбнулась.
Впервые за полгода. Причина: Алиса
спросила рецепт отвара. И
добавила,что у неё была знакомая
фея, которая тоже думала, что её
магия никому не нужна. Миссис
Хадсон заплакала. Но это были
хорошие слёзы. Кажется.

Она не планировала возвращаться. Но дождь усилился, и из приоткрытой двери донёсся голос Ватсона: «Мисс Алиса, вы промокнете». Она не стала спорить. Освальд уже сидел на кухне — миссис Хадсон почему-то кормила его изюмом. Он выглядел так, будто был здесь всю жизнь.

Ночь она провела в гостевой комнате. Лондон за окном шумел, но не мешал. Дом дышал иначе, чем днём. Тише. Осторожнее. Будто принюхивался к новой гостье. Или проверял, не принесла ли она с собой новых трещин.

Поднимаясь по лестнице, она заметила её не сразу. Лаванда лежала на пороге комнаты — сухая, перевязанная ниткой, будто положенная за секунду до того, как Алиса ступила на лестницу. Она подняла цветок. Осмотрела. Никто бы не положил его случайно. Слишком аккуратно. Слишком точно.

Войдя в комнату, она положила лаванду на подоконник. Сил разбираться, кто и зачем её оставил, уже не было — день вышел длинным. Она рухнула в кровать и провалилась в сон быстрее, чем дверь успела скрипнуть за спиной.

Когда она открыла глаза, внутренний голос уже ждал:

Вчера ты шагнула в дождь. Сегодня проснулась в чужой постели. Похоже ты просто не умеешь спать у себя.

Она улыбнулась и встала.

Утром, спустившись на кухню, она застала миссис Хадсон у плиты и Освальда, который сидел на стуле, изучая стоящую перед ним тарелку с овсом. Рядом, прислонённая к стене, стояла кочерга. Чумазая. С явными следами недавнего применения. Освальд делал вид, что кочерги не существует. Это была его новая тактика: если не смотреть на вещь, она перестаёт быть уликой.

— Изюм, — сказал Освальд, не поднимая морды от тарелки. — Я уже говорил.

— Хорошо, — вздохнула миссис Хадсон. — Изюм так изюм.

Она перевела взгляд на Алису и улыбнулась. Не как вчера — ошарашенно, а как человек, который уже перестал удивляться и начал принимать.

Алиса достала из кармана лаванду. Ту, что нашла на пороге.

— Миссис Хадсон, — сказала она, — это не вы положили?

Миссис Хадсон бросила взгляд на цветок и покачала головой.

— Нет. Я такими вещами не занимаюсь. Но в этом доме всегда что-то появляется. То цветок, то записка. Мистер Холмс говорит — сквозняки.

— Ложка — это я, — подал голос Освальд. — Но цветы — не я. Я не романтик. Я прагматик. Мне изюм.

Миссис Хадсон положила ему ещё горсть.

— А доктор Ватсон? — спросила она. — Может, он?

— Ватсон? — миссис Хадсон улыбнулась. — Он хороший человек, но не из тех, кто подкладывает цветы. Скорее уж рецепт или старую газету. Мисс Алиса, чай будете?

— Буду. И спасибо, что не выгнали нас вчера.

— Я тридцать лет живу с гением, — ответила миссис Хадсон, ставя чайник. — Вы — не самое странное, что входило в этот дом. Просто самое мяукающее.

Освальд фыркнул, но промолчал.

Алиса посмотрела на кочергу. Потом на Освальда. Потом снова на кочергу.

— Он опять полез в дымоход, — сказала миссис Хадсон, перехватив взгляд Алисы. — Сам вылез. Гордый.

— Я не гордый, я самостоятельный, — фыркнул Освальд. — А в дымоходе темно. Но это не самое тёмное место, в котором я бывал.

Кухня была маленькой, тёплой и пахла сушёными травами. На полках стояли банки с надписями: «От мигрени», «Для бодрости», «Успокаивающий 3 (Холмсу не давать)».

Алиса посмотрела на банку. Потом на миссис Хадсон.

— Почему Холмсу не давать?

Миссис Хадсон опустила руки. Пальцы её дрогнули. Она взяла банку, погладила её, как живую.

— Потому что он его выливает. Говорит, что я порчу ингредиенты. Что мои отвары — улики низкого качества. Знаете, каково это — тридцать лет готовить для человека, а потом узнать, что ты для него — улика низкого качества?

Ну давай, влезь, — процедил внутренний голос. — Скажи ей, что всё наладится. А потом удивляйся, почему она смотрит на тебя, как на пустую банку из-под успокоительного.

Алиса взяла банку, открыла, вдохнула. Мята. Мелисса. Чуть-чуть лаванды. Никакого криминала. Только забота.

— Знаете, миссис Хадсон, — сказала она наконец, —у меня была одна знакомая... фея. Она тоже думала, что её магия никому не нужна. А потом оказалось — нужна. Просто тем, кто не кричит о своей боли. Тем, кто молчит.

Миссис Хадсон подняла глаза.

— Вы думаете, он... молчит?

— Думаю, он просто отвык.

Миссис Хадсон ничего не ответила. Она молча налила Алисе чай. И положила в чашку изюм.

В дверях возник Ватсон. Он кашлянул.

— Простите, что прерываю. Лестрейд пришёл. Говорит, у него дело.

— Дело? — Алиса удивлённо подняла бровь. — Мне сказали, преступлений больше нет.

— Их и нет, — сказал Ватсон, и в его голосе смешались ирония и грусть. — Но он принёс кое-что ещё. Какую-то вещь. Говорит, из старого дома.

Алиса переглянулась с миссис Хадсон.

— Ключ. Старый. Говорит, не подходит ни к одной двери.

Алиса поставила чашку.

— Пойдёмте.

Ключ, который не подходит ни к одной двери, — отметил внутренний голос. — Наконец-то что-то интересное. Или очередная шляпа, только в профиль. В любом случае — не скучно.

ГЛАВА 3. КРАЖА ШЛЯПЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Из дневника доктора Ватсона: «Лестрейд принёс дело о краже шляпы. И ключ. Холмс разгадал дело, не вставая с кресла. Алиса сказала, что это не расследование, а взаимное притворство. Лестрейд заплакал. Я не знаю, что записывать».

Они вышли в гостиную. Освальд остался на кухне дожевать изюм и делать вид, что его не интересует, что происходит в доме. Притворялся он плохо.

Лестрейд уже стоял там, в своём неизменном котелке, который он теребил, как спасательный круг. В руке он держал небольшой свёрток.

— Так вы и есть та самая гостья? — спросил он.

— Да, — сказал Ватсон. — Та самая.

— И она уже разговаривала с Холмсом?

— Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.